

NICK CUTTER

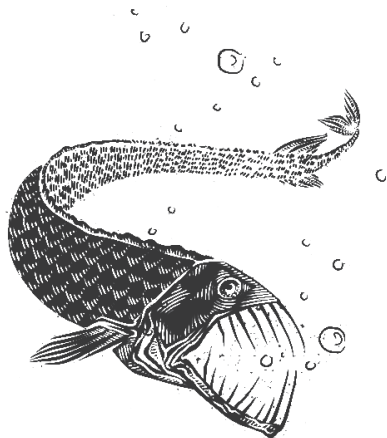

THE DEEP

КОРОЛИ НОЧИ

Ник Каммерз

ГЛУБИНА

Ростов-на-Дону

 ЕНИКС
2026

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-4
КТК 654
К29

Печатается с разрешения
литературного агентства «Prava i prevodi»

Художественное оформление
Константина Лоскутова и Виктории Хрусталёвой

Перевод с английского Григория Шокина

Каттер, Ник.
К29 Глубина / Ник Каттер ; пер. с англ. Г. Шокина. — Ростов н/Д :
Феникс, 2026. — 376, [2] с. : ил. — (Короли ночи).
ISBN 978-5-222-43297-6

Недалекое будущее. Загадочный и смертоносный вирус поразили человечество, заставляя своих жертв пройти жуткой тропой забвения: сначала мелкие провалы в памяти, а вскоре тело просто забывает, как оно должно функционировать, и наступает смерть. Лекарства нет, цивилизация на грани вымирания...

Лучом надежды становится открытие целительного вещества «амброзия» глубоко под поверхностью Тихого океана, в Марианской впадине. Для изучения этого феномена на глубине восьми миль построена специальная исследовательская станция. Когда связь со станцией прерывается, несколько смельчаков спускаются в бездну, стремясь раскрыть ее мрачные тайны. Им уготована встреча с невообразимым ужасом. И воды океана станут красными от крови...

Ник Каттер подарил нам потрясающий сплав глубоководного хоррора и боди-хоррора, права на экранизацию которого уже приобрел стриминговый сервис Amazon Prime Video. «Поразительно жутко» (Клайв Баркер).

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-4

ISBN 978-5-222-43297-6

THE DEEP

Copyright © 2015 by Craig Davidson
All rights reserved

© Перевод: Шокин Г., 2026

© Дизайн обложки: Хрусталёва В., 2026

© Иллюстрации и форзацы: Лоскутов К., 2026

© Оформление: ООО «Феникс», 2026

© В оформлении книги использованы
иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Часть I

«АМНИ»

1

Макушку старика облепили богомолы.

Сначала Люк подумал, что это парик или какой-то странный накладной клок волос, но дело было на южной оконечности Гуама, в нескольких милях от Тихого океана, а старик был в каком-то тряпье, вместо обуви — обрезки автопокрышек. Зачем такому оборвышу парик?

Водитель тоже увидел старика. Он зашипел сквозь зубы — тревожное *тссик!* — и что-то пробормотал себе под нос: проклятие или, может быть, молитву? Люк не знал местного диалекта.

— Я сам разберусь, — сказал он водителю. — Подождите в машине.

Люк вытолкнул дверь джипа локтем. Боже милостивый, какая жара... Она обрушилась на него, как кулак, еще на взлетно-посадочной полосе в аэропорту Агана. А сейчас вот вмазала ему еще разок — от жгучего тропического воздуха, пропитанного ароматом гелиотропов, на лбу выступила испарина.

Старик стоял лицом к стене одноэтажной автомастерской. Асфальт был усыпан колпаками и картерами, обвитыми проржавевшей проводкой. Весь этот хлам опутывали выползавшие из-под земли лианы толщиной с человеческую руку. Видимо, их все же периодически вырубали, иначе не прошло бы и месяца, как вся округа превратилась бы в джунгли.

Тронувшись с места, старик шаркая побрел к желтой глинобитной стене; его самодельные сандалии тихо поскрипывали. На горле и голых руках отчетливо просматривались язвы. Струпья были размером с десятицентовик — таких больших Люк никогда не видел. Многие из них треснули и сочились сероватым гноем.

Люк понятия не имел, что привлекло богомоллов. Может, осыпались с лианы, протянувшейся по крыше мастерской. Или их заинтересовало что-то на коже головы мужчины — какие-нибудь выделения... Таких крупных насекомых Люк видел впервые. Каждый богомол был длинной с большой палец и выглядел, иначе никак не сказать, *мускулисто*. Поверх раздутых сегментированных брюшек торчали острые головки с глазами, полными жуткой осознанности. На голове старика прилепилось не менее чертовой дюжины этих тварей.

И в какой-то момент все они разом повернулись к Люку, будто желая посмотреть на него. Тот отступил в канаву, и ноги тут же утонули в грязи — ее безгубая коричневая пасть жадно обхватила ботинки.

Люк нашел палку и вернулся к старику. Насекомые сучили лапками в тонких седых волосах оборванца — мягких и пушистых с виду, как у младенца. Хитин их панцирей издавал почти уловимое потрескивание. Что, черт возьми, им нужно? Люк наблюдал за загадочной хореографией богомоллов.

Запах горелого дизельного топлива смешался с терпкими ароматами пыльцы, липким осадком застрял в горле. Издалека донеслось бормотание водителя — то ли прерывистое проклятие, то ли молитва, — и Люк забеспокоился, что тот резко даст по газам и умчит прочь, бросив его тут со стариком и богомолами, среди жары и наползающих джунглей.

И все-таки, какого черта эти жуки делают?

Один богомол вдруг зажал другого в передних клешнях, раззявил челюсти и вцепился собрату в голову, расколов ее пополам. Приглядевшись, Люк заметил, что нижние половины их тел соприкасаются. Это были спаривающиеся самка и самец, и теперь дамочка закусывала башкой кавалера, чьи лапки все еще спазматически подергивались.

Орудя палкой, Люк обмел всех богомоллов с головы старика. Обезглавленный самец полетел в грязь, в общую кучу. Люку вдруг захотелось потоптаться по этим тварям, размолоть их в кашу... Вместо этого он взял старика за плечи и развернул к себе, увидел уже

знакомое выражение лица: чистый лист. Глаза заволокла пелена, у их уголков целыми гроздьями высыпали угри, отчего кожа стала похожей на апельсиновую корку. Из безвольно раззявленного рта вывалился обветренный, весь в белом налете, язык. Возможно, старик вообще не пил несколько дней. В таком состоянии люди попросту не осознают, что организму нужна вода.

«Амни» так и действует: сперва забываешь о сущих пустяках, потом о вещах немножко посерьезнее, потом о действительно важном, а под конец — о том, от чего зависит сама жизнь. Рано или поздно сердце забывает, как биться, легкие — как дышать. Наступает полное незнание, а с ним — смерть.

Как только Люк указал ему новое направление, старик начал идти. Он не остановится, пока не упадет, или не шагнет со скалы, или не наткнется на логово леопарда, если эти хищники тут водятся. И тут уж ничего не поделаешь...

Люк залез обратно в джип. Водитель, косясь, осторожно объехал старика. А тот знай себе ковылял по дороге в липкой грязи, которая уже забралась выше его щиколоток. Чем дальше они отъезжали, тем менее различимым становился его силуэт в едком мареве жаркого дня.

2

Поникшие от жары пальмы сменились видами города Инараджан, застроенного как на подбор домишками в деревенском стиле — изношенными с виду, но по факту все еще крепкими; их жестяные крыши сияли на солнце.

За джипом взметнулся веер красной пыли и завис в знойном мареве, словно не желая оседать. Из вентиляционных отверстий дул влажный воздух. Люк провел рукой по затылку — потному, с корками перхоти.

К югу простирался Тихий океан; чем дальше от берега, тем более насыщенный льдисто-голубой оттенок приобретала вода. Две старухи сидели на покосившемся крыльце прибрежного домика и курили сигары. Жители деревни не выглядели обеспокоенными, местные магазины не были разграблены. В других городах беспорядки порой действительно случались, но по большей части человечество просто

продолжало жить. Если это и был конец света, то вполне себе пристойный и благодушный.

Деревенские дети глазели на проезжавший джип. Девочка лет восьми улыбнулась Люку. На ее локтях темнели скопления язвочек, как пятна на перезревшем банане.

Эти язвочки будут расти. Покроют все тело, кожа огрубеет, пойдет гнойными волдырями. А затем придет «амни» (ласковое сокращение слова «амнезия») — и девчушка не будет помнить, где бросила свою любимую куклу; потом забудет, как определять время суток; потом — как завязывать шнурки (на то, чтобы с ними сладить, будут уходить часы, и как же правильно: петелька к петельке? Что это вообще такое — петелька?). Сначала она будет смеяться, — ох, ну и забывчивая я стала! — но вскоре расстроится, что свойственно маленьким детям, и ударится в слезы.

Затем она забудет имя своего брата и запах табака из трубки отца, а вскоре перестанет узнавать себя в зеркале. Забудет разницу между холодным и горячим — сами эти понятия вылетят у нее из головы. *«Вот где самый ужас, — подумал Люк, — позабыть элементарщину, с которой человек, по сути, рождается. Смотреть на ореховое дерево, растущее во дворе, и не помнить, каково это, когда листья касаются кожи... забыть, что такое листья и почему они важны для дерева так же, как для нас самих — вены... забыть, что такое вены... Господи. Забыть вкус орехов с дерева, и что есть такая штука, как вкус, и что надо есть, чтобы не умереть».*

Дерево не будет иметь для нее никакого смысла.

Ничто не будет иметь смысла, в самом-то деле.

3

Яхта стояла на якорь в пятистах ярдах от пристани Инараджана.

Ее владельцем был какой-то набоб из Вегаса, а док находился в Окинаве, но дядя Сэм недавно реквизирует судно на службу науке. Владельца это не возмутило — Люку сказали, что тот даже не помнил, что у него есть яхта. При «амни», как при коммунизме, право собственности становилось весьма условным.

Люк взял свой вещмешок и кивнул водителю на прощание. Выгоревшие на солнце доски скрипели под ботинками. Крабы-стригуны сновали вокруг свай, поднимая облачка песка. Угорь черной извилистой лентой скользнул из воды, схватил краба и схоронился под пристань — животные по какой-то причине не пострадали, их «амни» не трогал, кроме медоносных пчел.

Несколько лодок были пришвартованы в конце пристани; прожарившие днища опутывали заплесневелые сети. Облако мух поднялось при приближении Люка. Одна села ему на предплечье — слепень; радужные глаза насекомого отражали солнечный свет, как диско-шары.

Люк несильно прихлопнул его. Слепень зажужжал, прижатый ладонью к рукаву. Трепет его крылышек был так неприятен, что Люк поднял руку, позволив ему улететь.

Яхта оказалась не слишком далеко — вполне можно добраться вплавь, против чего Люк не стал бы возражать: было чертовски жарко, он был грязным, в костях словно что-то зудело. Заслоня глаза от солнца, он прищурился, глядя на судно. На палубе едва можно было разглядеть человеческую фигуру.

Люк бросил свой вещмешок в лодку «Зодиак», дернул за шнур двигателя и отплыл от деревни, подальше от девочки с этими ужасными язвочками.

Вода была холодной и синей. Она напомнила Люку о дезинфицирующем растворе, в котором в годы его детства парикмахеры Айова-Сити замачивали свой инструмент. «Эта штука убьет тебя, если ее выпить», — предупредил один из них Люка, как будто подозревая, что мальчик втайне питал такое желание.

Взглянув на север, в сторону гребнистых холмов, Люк заметил обгоревшую церковь. Ей, должно быть, было несколько веков — возможно, это первое здание, построенное тут поселенцами. Сейчас церковь была сожжена. Похоже, первым вспыхнул шпиль, а когда балки превратились в пепел, он рухнул вниз.

Больше ничего не было сожжено во всей деревне. Только церковь.

4

Яхта замерла на краю полукруглой бухты. На палубе стоял человек — высокий и худой, с руками-палками, напомнившими Люку о богомолах на черепушке того старика.

— Доктор Нельсон? — Мужчина протянул руку. — Я Лео Батгейт. Очень рад, что вы добрались благополучно.

Люк пристально посмотрел на протянутую ему руку в поисках язвочек — автоматически, у него уже прямо-таки рефлекс выработался. Исследования показали, что «амни» не распространяется через физический контакт, обмен биологическими жидкостями или как переносимый по воздуху патоген. Но, прежде чем это выяснили, произошла масса трагедий. До того доходило, что людей, у которых вылетел из головы какой-нибудь незначительный факт, без суда и следствия расстреливали. Фраза «уф, погодите, вертится на языке» на какое-то время стала основанием для узаконенного убийства...

Яхта оказалась роскошной — все сверкало, как в знаменитом хранилище дядюшки Скруджа. Заметив реакцию Люка, Батгейт усмехнулся:

— Да, я вот тоже в такой обстановке оказался впервые. Смотрите, что нашлось на борту. — Он показал рукой на ведро с бутылкой шампанского. — Не пропадать же добру, верно?

“Krug Brut” 1988-го года розлива. Дорогое пойло... Батгейт наполнил игристым бокалы, один протянул Люку. Тот поднес его к губам, вдохнул щекочущие нос пузырьки.

— Как прошла поездка? — осведомился Батгейт.

«Ужасно долго», — хотел ответить Люк. Примерно восемь тысяч миль отделяли Чикаго, где он сел на первый рейс, от Аганы, столицы Гуама. Эти восемь тысяч миль развернулись, как странный гобелен с кошмарными образами.

По пути из Айова-Сити Люк остановился на заправке «Эксон» у межштатной трассы. Шоссе не было забито сломанными или брошенными машинами, как это обычно бывает во всяких апокалиптических историях. Впрочем, ситуация с «амни» — не совсем апокалипсис, так ведь? Люк постоянно напоминал себе об этом. Еще не конец света, нет. Просто очень плохие события происходят. Дерьмовые.

Поскольку конец света еще не наступил — а может быть, просто по инерции, — важные вещи шли своим чередом. Права собственности нарушались редко. Мертвых все еще хоронили — не всегда на кладбищах, но тела, безусловно, уходили в землю. Ритуалы все еще соблюдались. И это было хорошо.

Заправочная станция пустовала, но насосы работали. Дверь в магазин была открыта. Там царил духота — кондей не работал. По стеклянной двери холодильника ползали муравьишки. Люк мог делать здесь что угодно. Он съел «Твикс», не заплатив за него, и распечатал запаянный в пленку комикс, полистал. Никто не кидался на него с претензиями. Это давало ощущение странной свободы, но и пугало до дрожи.

Люк вернулся на автомагистраль. Когда датчик бензобака показал, что бензин на исходе, пришлось заехать на станцию «Кенекс». И вот там-то уже кипела жизнь: люди заправлялись и платили за чипсы и газировку — безмятежно, словно никакой проблемы не было. Было приятно видеть включенный свет и, как и прежде, платить за покупки. Ощущение нормальности вернулось. Земной шарик двигался по привычной траектории...

Впрочем, сейчас неурядицы случались часто. Все труднее становилось найти бензин или новую шину, если спустило колесо. Отправляясь в путь, ты никогда не был уверен, что доберешься до пункта назначения. Появилась тысяча новых блокпостов, и не всегда они были законными. Просто система постепенно рушилась.

Аэропорт О'Хара представлял собой сюрреалистичное зрелище. Большинство киосков и магазинов терминала были закрыты, полки разобраны, рестораны предлагали сокращенное меню.

Люк прошел досмотр без эксцессов — при нем был нотариально заверенный документ, существенно облегчавший такие моменты. Его посадили в двухмоторный частный самолет — до того набитый, что двум морским пехотинцам США пришлось сидеть в проходе.

Самолет приземлился в Денвере. Сойдя на землю, Люк остановился перед зданием аэропорта и немного понаблюдая за тем, как кругом раскатывают самолеты. На краю взлетно-посадочной полосы он отчетливо видел человека, прислонившегося к сетчатому забору, — тот стоял неподвижно, с нелепо распростертыми руками.

Самолет, на котором прибыл Люк, с ревом покатился по взлетно-посадочной полосе. Оторвавшись от земли, пролетел прямо над

человеком, замершим у забора. Поток воздуха яростно трепал одежду беспамятного, его тело беспомощно дергалось, голову знай себе мотало из стороны в сторону. И пилотам при каждом взлете приходилось смотреть на это зрелище...

— Кто-то должен с этим разобраться! — заявила седовласая женщина лет пятидесяти, стоявшая рядом с Люком; она говорила с легким британским акцентом. Женщина постучала костяшками пальцев по огромному окну здания аэропорта, будто ждала, что кто-то — дворецкий, быть может? — откликнется на ее жалобу и все исправит. — Пусть уберут отсюда этого беднягу!

Женщина казалась человеком, привыкшим добиваться своего. Сейчас таким приходилось нелегко — проще было плыть по течению и жить как живется.

Второй рейс Люка приземлился в международном аэропорту Сан-Франциско. Двое неулыбчивых солдат проводили его к частной взлетно-посадочной полосе, где ждал грузовой самолет С-23 «Шерпа». Тут Люк оказался единственным пассажиром. Слушая гул двигателя, он уперся лбом в переборку и провалился в черную, засасывающую пустоту сна без сновидений. Когда проснулся, самолет уже кружил над Аганой.

— Долго я сюда добирался, — сказал Люк, наконец ответив на вопрос Батгейта. — Ужасно долго.

Батгейт сочувственно кивнул.

— Вы, должно быть, измотаны.

Люк еще не успел перестроиться на новый часовой пояс и даже не перевел часы на местное время; в Айове сейчас было пять утра. Полуденное солнце Гуамы нещадно пекло; игристое вино кружило голову, отправляя почти что в нокаут.

— Внизу есть каюта. Может, хотите отдохнуть? — предложил Батгейт. Но, едва Люк направился в трюм, окликнул его: — Доктор Нельсон?

Люк обернулся. Батгейт смотрел на него, нервно комкая бейсболку.

— Говорят, что ваш брат... — запинаясь промямлил он. — Вроде бы он сможет с этим разобраться. Что бы он там ни делал, в глубине. Как думаете, это реально?

— Не могу сказать наверняка, Лео. Простите. Поживем — увидим.

— Да, но...

— Я надеюсь. Черт, да все мы надеемся...

— Верно. — Батгейт неуверенно улыбнулся. — Надежда умирает последней...

В конце концов, Люку именно для этого организовали дорогостоящее путешествие сюда — чтобы он поговорил с братом. Чтобы разжег крошечную искорку надежды...

С братом, затаившимся в восьми милях под поверхностью Тихого океана.

С чокнутым гениальным братом, уже несколько дней не подававшим никаких весточек.

5

Люку снова снилась мать.

Она всегда ему снилась, если он отправлялся в постель усталым и измученным.

Во сне мать входила к нему, семилетнему, в спальню — огромная женщина-пароход; тогда она весила больше четырехсот фунтов¹.

Во сне мать отбросила его одеяло, разрисованное героями из «Звездных войн», и с грацией, невообразимой для человека ее комплекции, юркнула к нему в постель. Ее тело было теплым и мягким, как хлебное тесто, — сплошь пропитанным выделениями, сочившимися из пор. Дыхание матери щекотало волоски в его ухе. Она начала что-то шептать, но Люк не мог разобрать слов. Ее голос достигал неслышимой тональности, проникавшей напрямую в мозг...

Люк вскочил в постели, тяжело дыша. Густой, как сироп, сон словно вытек из его черепной коробки. Часы услужливо сообщили, что он проспал меньше двух часов. Черт возьми, даже по прошествии стольких лет от матушкиного образа никуда не деться — она до сих пор бродит по закоулкам его разума, подобно беспокойному призраку. Он закрыл глаза — и снова увидел свою мать, Бетани Ронникс (она отказалась брать фамилию мужа). Боевая баба Бет. Женщина, которой всегда было *много* — во всех отношениях. Она всем мозолила глаза, громче всех смеялась, а со временем нарастила огромную физическую массу.

¹ Более 180 кг.

В общем-то, она всегда была крупной — широкие плечи, широкие бедра, рост больше шести футов². Все в городе за глаза звали ее «миссис Небоскроб». При всей ее громоздкости мать была красивой — по крайней мере до тех пор, пока не настала ее «скверная пора», прибавившая ей лишние двести фунтов веса. Но, даже растолстев до неприличия, Бетани Ронникс ходила с царственной осанкой, выпятив грудь, будто ей на лацкан вот-вот должны были прицепить медаль.

Она работала на ранчо «Второй шанс» — в лечебнице для молодежи с психическими расстройствами. Ранчо «Шансов ноль» — так она называла эту богадельню, когда была в настроении поязвить. Ее наняли дежурной медсестрой, но вскоре перевели в санитарки, и Бетани стала первой женщиной в штате, нанятой на такую должность. Ей больше нравился практический аспект. Лучше, чем раздавать таблетки и дезинфицировать ночные горшки.

Однажды Люк подслушал разговор матери с Эди Эммонс, одной из ее немногих подруг.

— Она ужасно воняет, — сказала мать. — Я имею в виду мочу сумасшедших парней... Это из-за химического соединения, которое есть только в организмах психов: транс-3-метил-2-гексеновой кислоты.

— О боже, — с преувеличенным интересом откликнулась Эди. — Звучит кошмарно!

— О да, Эди, это вонь безумия — острая, как солодовый уксус. Даже когда они просто потеют, уже нет сил находиться в одном помещении. Но их ссанина... это самое страшное.

Поначалу другие санитары — все мужчины, преимущественно чернокожие — роптали. У них было мышление вышибал. Они знали: Бет бескомпромиссна и достаточно хорошо утихомиривает психов словами. Но что произойдет, когда слова ей не помогут? Бет хоть и крупная, но все же она женщина; хватит ли у нее сил усмирить разъяренного дурика, которому наплевать и на себя, и на других?

Но Бет была чертовкой. Она первой бросалась в любую кучу-малу, хватала зачинщика за запястье или за шею и скручивала изо всех сил. Санитары привыкли к ней и прозвали Берсерк Бет.

Много лет спустя, работая ветеринаром, Люк случайно пересекся с одним из бывших подопечных своей матери. Курт Хани — Люк ходил

---

² Выше 182 см.

с ним в одну школу — был спроважен на ранчо за нападение при отягчающих обстоятельствах на учительницу математики в одиннадцатом классе. Математичку он попытался продырявить циркулем.

— Она ж твоя мамка, да? — поинтересовался Хани.

Люк оторвался от воспаленного вымени коровы.

— Кто?

— Берсерк Бет.

Люк понятия не имел, что Хани знает, кто его мать, и предположил, что тот будет плохо о ней отзываться. Люк не стал бы его останавливать. Дни, когда он защищал мать, давно прошли.

— О, она та еще змея! — Хани нервно хохотнул. — Очень умная тетка... но умная в таких вещах, что лучше быть в них тупым как пробка. Такой ум, не знаю, разве что на войне как-то сгодиться может.

Люк вернулся к вымени, надеясь, что беседа о матери окончена.

— Она до смерти напугала одного парня, Брюстера Голта. Старина Брю был не очень-то умен — собственно, потому-то его и упекли на ранчо. Однажды его поймали на краже яблок из столовой. Вот ты скажешь — фигня, мелочь, а на ранчо такие пустяки росли в цене почище золотых акций на бирже. Даже пропавшее яблоко никому не сходило с рук. А у Брю еще был такой приколом с глазом... один его глаз больше торчал из глазницы, чем другой. Он говорил, что это из-за сильного внутричерепного давления. И твоя мать... она умела за такие вещи цепляться.

Люк вздрогнул, отвернувшись. Да, его мать всегда замечала особенности такого рода.

— После того как Брю поймали на краже яблока, твоя мать попросила минуту побыть с ним наедине. И он от нее вышел — что твоя простыня. Он ведь далеко не малыш был по части комплекции — и, блин, я никогда не видел такого здорового лба таким испуганным. Пару дней спустя я зацепился с ним языком на прогулке, ну и он со мной поделился... Брю сказал, что твоя мать ему заявила, будто у него два набора глаз. Типа, под первыми есть еще одни, вторые. Вот, мол, почему одна его зенка так сильно выдается, сечешь? Из-за того, что под ней есть еще одна — лезет наружу. Твоя мать сказала ему, что эти вторые глаза у него алые, как кровь, и со зрачком, как у кошки. И еще она заявила, что может немножко подтолкнуть этот второй набор зенок — проберется в спальню ночью, когда бедный Брю в крепком

отрубе, и вспорет ему нормальные глаза бритвой. Тогда у второго набора появится шанс вылезти и увидеть мир. «Прикинь, каково тебе будет с ними! — сказала Бет. — Они же как у черта».

Курт Хани покачал головой и вздохнул.

— Брю было четырнадцать. Он понятия не имел, с какой напастью столкнулся.

Напасть. Родная мать Люка. *Напасть.*

— Эта женщина была наполовину дьявол. На три четверти, я бы даже сказал.

— Мне жаль, что она так себя повела, — только и сказал Люк.

Хани фыркнул.

— Черт, это тебя мне жаль! Ты ж живешь под одной крышей с этим монстром, бедолага.

...Руки Люка расслабились на покрывале кровати. Пот на груди высох, но мысли все время возвращались к матери. Он не думал о ней так долго и сосредоточенно уже много лет, но этой ночью не мог выкинуть ее из головы...

Через несколько лет после начала работы на ранчо на Бет напал один пациент, Честер Хиггс. Она руководила работами по благоустройству территории. После инцидента один из обитателей ранчо сказал, что видел, как Берсерк Бет разговаривала с Хиггсом, пока тот полол сорняки. Она подкралась к нему вплотную и что-то шептала ему на ухо.

Честер Хиггс был сослан на ранчо по обвинению в жестоком обращении с животными. Он пробрался в овчарню соседа и разрезал животы годовалым овцам серповидным ножом, известным в просторечии как «ведьмин клинок». Когда его спросили, почему он это сделал, Хиггс сказал, что ягнята «хранили секреты». В тот день Хиггс ударил Бет мотыгой. Он обрушил инструмент ей на ногу, раздробив коленную чашечку; затем, когда она закричала и схватилась за дубинку, Хиггс принялся безжалостно избивать женщину. Злобный и хорошо нацеленный удар сломал ей левое бедро в трех местах.

Когда подросли другие санитары, чтобы скрутить Хиггса, Бет валялась ничком, окровавленная и сломленная. Согласно сообщениям очевидцев, она, с опухшим лицом, с пятнами крови на белоснежной униформе, кричала снова и снова: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Раз за разом она повторяла эту одну-единственную фразу.

Честера Хиггса перевели в другое учреждение, а в восемнадцать лет — в тюрьму штата. Он так и не признался, что его спровоцировало. Бет тем временем лежала в больнице. Там ей пришлось сращивать кости. Коленная чашечка так и не зажила, и Бет записали в инвалиды. Больше она никогда не работала на ранчо.

Со дня возвращения из больницы и до конца своей жизни мать Люка редко выходила из дома. Она сидела одна в комнате с телевизором, отвратительная фигура в тени. Когда Люк возвращался из школы, она звала его к себе:

— Лукас! Подойди-ка сюда, посиди с мамочкой.

Чувства мальчика к ней постепенно менялись. До инцидента он любил мать всем сердцем, несмотря на тревожные признаки — удары, оставлявшие следы, и то, как ее взгляд мог цепляться за него, словно тарантул, готовый вонзить свои жвала.

Но в «скверную пору» Бет стала по-настоящему жестокой. Со временем Люк понял, что жестокость была неотъемлемой частью ее натуры, просто матери потребовалось время, чтобы проявить ее.

6

Люк наконец снова заснул. Проснулся несколько часов спустя, когда яхта рассекала ночное море. Ощущение было такое, будто едешь в роскошном седане по свежеложенной полосе асфальта: скорость ощущалась костями, но плавный ход машины затушевывал ее.

Люк сел в постели. Если ему и приснился еще один сон, он уже не мог его вспомнить.

С тех пор, как ребенком Люк спал в одной комнате с братцем Клэйтоном, ему очень редко снились сны. Их кровати стояли в двух футах³ друг от друга — Клэйтон измерил расстояние от изголовья до изголовья. Он много чего измерял. Пространство всегда было для него делом первейшей важности.

Клэйтон в детстве довольно часто страдал от ночных кошмаров; он метался, кричал и даже визжал по-собачьи. Обычно это приводило к тому, что приходила мать и трясла его — с такой силой, что голова братца чуть ли не отваливалась.

---

³ Около 60 см.

— Все в порядке! Все хорошо! — повторяла она как заведенная, хлопая Клэйтона по щекам с такой силой, что они потом покраснели. — Уймись, ради всего святого!

Порой, когда Клэйтон начинал вот так метаться, Люк заползал к нему под одеяло. Кожа у брата была липкой и такой горячей, будто его сварили заживо. Люк обнимал его и тихо шептал:

— Тс-с-с, Клэй. Все в порядке, это просто кошмар. С тобой все в порядке, братишка: ты дома, в безопасности, в своей постели...

...Люк встал с кровати и прошел в ванную. Ковер в салоне яхты был невероятно мягким; казалось, что идешь по вате. Он повернул кран в ванной, но вода не пошла. Горло саднило от жажды.

Люк направился наверх, взглянув на часы, — 3:09 пополудни. Не было смысла переводить стрелки — скоро время перестанет иметь значение. Там, куда он направлялся, всегда царила ночь.

Океан простирался вдаль. Низкая луна была разделена горизонтом пополам; они плыли прямо на нее, будто к жерлу титанического тоннеля, вырезанному прямо в твердыне ночи.

— Уже проснулись? — Лео Батгейт стоял на верхней палубе без рубашки, его бедренные кости торчали поверх резинки шорт, точно ручки кувшина. — Хорошо спалось?

— Честно, я вырубился сразу, как только голова коснулась подушки.

— Рад слышать. Как с аппетитом?

— Подыхаю от голода!

— На борту есть провизия, но деликатесов обещать не могу, увы.

Батгейт повел его на кухню, оборудованную не хуже, чем в ресторане. Здесь было полно японских закусок: банки горошка с васаби, пакеты креветочных чипсов, батончики «Шоко-Бэби», «Поки», бутылки «Фанты» и «Покари Свит».

— А вот это что, вяленый кальмар? — поинтересовался Люк.

— Думаю, да. — Батгейт пожал плечами. — Тут полно японских деликатесов.

— И что порекомендуете, Лео?

— Креветочные чипсы неплохи. Вроде «Читос», только на вкус как рыба.

Люк разорвал пачку вяленого кальмара.

— Довольно неплохо, — сказал он, задумчиво жуя.

— Вот еще что нашел. — Батгейт поднял бутылку японского виски. — Пить крепкое на яхте в одиночестве... что-то в этом есть, правда? Привкус роскошной жизни. Хотите, откошу?

Люк откусил еще кусочек соленого кальмара, заполировал его горстью горошка с васаби и фыркнул, когда острая приправа ударила в ноздри.

— Как у нас говорят, Лео, живем лишь раз.

Лео налил в два стакана щедрую порцию виски и вопросительно посмотрел на Люка.

— Могу слегка разбавить колой. Конечно, если вы не считаете, что это святотатство — подслащивать хороший напиток. Уж простите мне мои манеры — я из простой семьи, и вкусы у меня простые.

— Вы не так-то просты, бросьте. Откуда у вас лицензия на управление яхтой? — Люк усмехнулся.

— На яхту лицензии нет. По бумагам я капитан траулера. — Лео подмигнул. — А траулер и яхта — это почти одно и то же, просто яхта намного лучше. Это как после долгих лет езды на «Киа» пересестись на «Феррари». А вот вы, доктор...

— Доктор не я, а мой брат, — поправил Люк. — А я просто ветеринар.

— Помогать животным — весьма благородное занятие, по-моему.

— Да, и я люблю свою работу, — сказал Люк. — Просто, понимаете... мне пришлось всего добиваться самому. Родители не могли отправить в колледж ни меня, ни брата. Клэй добился стипендий, грантов, пособий. А я? Чистил клетки в местном филиале «Американского общества по предотвращению жестокого обращения с животными». Чтобы платить за учебу, приходилось работать с полуночи до восьми утра. — Люк улыбнулся. — Так что, вы уж поверьте, я не из тех, кто привык снимать сливки.

Лео добавил колу в оба стакана. Мужчины, особо не церемонясь, размешали напитки указательными пальцами и чокнулись.

— За вас, доктор.

— И за вас, Лео.

Люк не очень любил виски с его горелым послевкусием. Тут же кольнуло чувство вины: вот он пользуется собственностью другого человека — скорее всего, уже мертвого — и совсем не испытывает благодарности. Ну надо же.

7

Лео проводил Люка к штурвалу. Приборная панель была освещена призрачными сине-зелеными огоньками. Монитор показывал текущую глубину моря: 2300 футов.

— Я с детства на большой воде, — признался Лео. — У отца была лодка для ловли омаров. И меня, как только я ходить научился, сразу приняли в экипаж. К семи годам я уже стоял у штурвала, пока отец поднимал ловушки. Ему приходилось подкладывать мне под ноги стопку старых телефонных справочников... чтобы мне роста хватало. — Батгейт засмеялся, вспоминая это, и снова посмотрел на воду. — Я люблю море и понимаю его — насколько вообще можно понять такую стихию. Но в самую пучину я ни разу не нырял, понимаете? В моей работе ведь как — если ты за бортом, значит, ты облажался...

Огоньки звезд отражались в воде. Люк и Клэй раньше смотрели на звезды из мансардного окна своей спальни.

— Свет, наблюдаемый нами, — рассказывал Клэй Люку, — летел сюда миллиарды лет. Он движется со скоростью 299 792 458 метров в секунду, но все равно добирается к нам только через миллиард лет. Вот насколько велика Вселенная. Она на 99,99999999 процентов состоит из тьмы. И знаешь ли ты, что звезды, видимые там, наверху, уже могут быть мертвы? Они тупо *сгорели* — остались только черные дыры. Мы смотрим на космические привидения — они пролетели квинтиллион миль, чтобы просто сказать: «Бу».

— Если это призраки, — спросил Люк, — то почему мы их не боимся?

Клэй просто посмотрел на него так, словно брат свалился с Луны. В ту пору он только так на него и тарачился. Вернее, либо так, либо с полным безразличием...

На главной приборной панели отметка глубиномера «заиграла»: 2309 футов, 2316, 2325, кратковременный подъем до 2319, за ним — падение до 2389. Там, внизу, существовал другой мир — противоположность тому, где обитали люди. После ста футов наступала вечная тьма.

— Извините, что полез к вам с этой чушью вчера, — произнес Лео. — С расспросами про брата и надежду.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. «АМНИ»	5
Часть II. СПУСК	60
Часть III. «ТРИЕСТ»	87
Часть IV. АМБРОЗИЯ.....	140
Часть V. МЁД.....	274
Часть VI. НЕБОЛИЦЫЕ	354
БЛАГОДАРНОСТИ.....	377

Литературно-художественное издание

18+

НИК КАТТЕР

ГЛУБИНА

Ответственный редактор *А. Васько*
Арт-директор *Н. Джинчарадзе*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

- RU** **Глубина.** Формат: 60x90/16. Тираж 4 000 экз. Заказ №
Издатель и изготовитель: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия,
Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150.
Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Изготовлено в России. Дата изготовления: 01.2026. Срок годности не ограничен.
Отпечатано в ООО «Ярославский полиграфический комбинат».
150049, Россия, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Свободы, дом 97.
- KZ** **Тереңдік.** Форматы: 60x90/16. Таралымы 4 000. Тапсырыс №
Баспагер және дайындаушы: «Феникс» ЖШҚ. Заңды және нақты мекенжайы:
344011, Ресей, Ростов обл., Дондағы Ростов қ., Варфоломеев к-сі, 150 үй.
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Ресейде дайындалған. Дайындалған күні: 01.2026. Жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Басылды «Ярославский полиграфический комбинат» ЖШҚ.
150049, Ресей, Ярославль облысы, Ярославль қ., Свобода к-сі, 97 үй.
- BY** **Глыбіня.** Формат: 60x90/16. Тыраж 4 000 экз. Заказ №
Выдавец і вытворца: ТАА «Феникс». Юр. і факт. адрас: 344011, Расія, Растоўская вобл.,
г. Растоў-на-Доне, вул. Варфаламеева, д. 150. Тэл./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Выраблена ў Расіі. Дата вырабу: 01.2026. Тэрмін прыдатнасці не абмежаваны.
Надрукавана ў ТАА «Ярославский полиграфический комбинат».
150049, Расія, Яраслаўская вобласць, г. Яраслаўль, вул. Свабоды, дом 97.